

Высоцкая О. Е.,

доктор философских наук, доцент,
декан факультета открытого образования и стажировки,
профессор кафедры философии образования,
Днепропетровский областной институт
последипломного педагогического образования
(Днепр, Украина), E-mail: vysolga@gmail.com

СРЕДСТВА И ФОРМЫ КОММУНИКАЦИИ КАК СПОСОБЫ САМООПИСАНИЯ ОБЩЕСТВА

***Аннотация.** Научная новизна работы состоит в раскрытии эволюции средств и форм коммуникации как способов самоописания общества от архаического состояния до пост-модерного. Определена тесная взаимосвязь между изобретением новых форм и средств коммуникации, а также системных преобразований общества. Различные способы самоописания общества отображают парадигмальные формы коммуникации, а также коммуникативные средства социального пространства. Выявлен нелинейный характер эволюции форм и средств коммуникации как постоянного приумножения интерактивного опыта человечества. Обозначены основные тенденции и закономерности этого процесса.*

***Ключевые слова:** коммуникация, общество, средства коммуникации, формы коммуникации, способы самоописания общества, развитие, эволюция.*

Главной особенностью исследования коммуникации как социокультурного феномена являются те господствующие тенденции, которые определяют характер духовных поисков человека в осмыслении своего места в мире, а также социальной реальности. В этом смысле понятие коммуникации выступает важным способом самоописания общества. Одновременно развитие идей о характере коммуникации всегда находится в прямой корреляции с овладением новыми средствами её передачи. Современное общество ретранслирует себя как общество масмедиа, цифровое или информационное общество, показывая тем самым, что основой структур коммуникации являются электронные мультимедийные средства, которые полностью меняют как мировосприятие человека, так и способы функционирования социума.

Осмыслению коммуникации с точки зрения общих социокультурных процессов модернизации и рационализации посвящены труды Т.-А. Адорно, К.-О. Апеля, М. Вебера, Ю. Хабермаса, М. Хоркхаймера, Э. Дюркгейма, Н. Лумана, Т. Парсонса, М. Маклюэна, П. П. Гайдено, В. С. Швырёва, В. В. Кизимы, С. Б. Крымского, В. С. Лукьянца, Т. В. Лютого, В. В. Ляха, В. С. Пазенка, М. В. Поповича, В. И. Пронякина. Критический анализ коммуникативных практик в контексте раскрытия постмодерного состояния общества осуществлён Р. Бартом, З. Бауманом, Ж. Бодрийяром, Дж. Ватимо, В. Вельшем, Г. Дебором, Ф. Джеймисоном, Ж. Делезом, Ф. Гваттари, С. Жижеком, Ж. Липовецки, Ф. Лиотаром, П. Козловски, С. Фишем, М. Фуко, У. Эко, Н. С. Автономовой, И. П. Ильиным, В. П. Ивановым, Н. Б. Маньковской, С. О. Кошарным, С. В. Куцепал, В. Б. О कोरोковым, С. В. Пролеевым, О. Е. Гомилко и многими другими. Рассмотрение коммуникации с точки зрения современных глобализационных процессов проводилось З. Бауманом, З. Бжезинским, У. Беком, Д. Беллом, Е. Гидденсом, М. Кастельсом, Э. Тоффлером, А. Туреном, Ф. Уэбстером, В. Л. Иноземцевым, А. С. Панариным, Б. В. Поповым, В. Б. Фадеевым, Г. Г. Почепцовым.

Особое внимание раскрытию коммуникации с точки зрения формирования способов самоописания общества уделял в своих работах М. Маклюэн, который считал средства коммуникации способами расширения человеческих возможностей [11]. Именно М. Маклюэну принадлежит известная концепция коммуникации, со-

гласно которой все революционные сдвиги в развитии общества, культуры, сознания детерминированы техническими средствами связи [11; 12]. При этом эволюция общества и культуры осуществляется в процессе перехода от аудиального (в первобытных культурах) к визуальному миропониманию (с изобретением и распространением грамотности) и к сложной «тактильной» форме мировосприятия с появлением таких средств коммуникации как кино, телевидение [12], Интернет.

Н. Луманом были подхвачены и развиты идеи М. Маклюэна. Согласно его теории любая социальная система является сетью потоков коммуникаций. В процессе усложнения коммуникативных сетей происходит дифференциация социальных систем, т.е. их эволюционирование. В современных условиях появление новых обособленных социальных институтов потребовало создание «более широких, более комплексных и дифференцированных общественных систем, которые для предотвращения дальнейшей дифференциации формируют предельно генерализованные и одновременно специализированные средства коммуникации» [8, с. 9]. Н. также принадлежит идея самоописания общества как способа его самоидентификации [9; 10]. Отталкиваясь от последних двух подходов к анализу коммуникации, попытаемся определить характер изменения форм коммуникации с точки зрения эволюции процессов самоидентификации общества, причин и следствий построения той или иной системы координат социального пространства.

Цель статьи – раскрытие эволюции форм коммуникации как способов самоописания общества.

Можно согласиться с тем, что изобретение новых форм и средств коммуникации влияет на характер самоописания общества, то есть приводит к изменениям парадигм мышления и социального пространства. С другой стороны, подобные процессы являются результатом системных преобразований самого общества, создания определенных коммуникативных потребностей. То есть существует взаимообусловленность и взаимовлияние коммуникативных процессов и социального развития.

Средства и формы коммуникации – это не просто репрезентации «реальности» под тем или иным углом зрения, а процедуры создания альтернативных «реальностей», которые имеют собственную логику построения и конфигурации. Всю историю развития человечества можно рассматривать как эволюцию форм и средств коммуникации, которые не сменяют друг друга, а постоянно приумножают интерактивный опыт человечества. То есть эволюция форм и средств коммуникации имеет нелинейный характер. Например, письмо – это не эволюционная форма устного слова, а принципиально новый способ коммуникации, печатный текст – не разновидность письма, а новая форма знаково-символической реальности. Такой гипертекстовый способ коммуникации как кино не является продолжением фотографического изображения, а имеет свои собственные внутренние обусловленные принципы передачи и создания виртуальной реальности как способа расширения человеческой субъективности. Такая же закономерность характерна для телевидения и сетевой коммуникации, которые имеют качественно новые характеристики и не являются прямым продолжением друг друга.

Важной особенностью тех или иных средств и форм коммуникации является то, что они обращены не столько к эмпирической действительности, сколько к другим формам или средствам коммуникации. Формы коммуникации на уровне социальной среды характеризуют определенные парадигмы мышления, а на уровне семиотического пространства – способы языкового (знаково-символического) выражения коммуникации. На уровне коммуникативных практик следует говорить о влиянии на сознание человека средств массовой коммуникации, появление и распространение которых связано с характером научно-технического прогресса и социально-экономическими, политическими, культурными запросами, которые возникают в обществе. Однако сам научно-технический прогресс находится в пра-

мой корреляции с той парадигмальной формой коммуникации, которая собственно и задаёт его направление и параметры. Такая соотносимость между формами коммуникации и тем, как именно будет использовано определенное техническое средство, была осмыслена уже в пределах веберовской «понимающей» социологии, развита П. Бергером и Т. Лукманом в идее «конструирования реальности», воссоздана в лумановской концепции формы и медиума коммуникации, теории символического обмена Ж. Бодрийяра, концепции граматологии Ж. Деррида и т.д.

Причиной пересмотра значения той или иной парадигмальной формы коммуникации является то, что в силу ограниченности средств репрезентации, создания и описания «действительности», каждая форма коммуникации провоцирует иллюзию единственности свойственной ей интерпретации «реальности». Результатом этого является своеобразная метанарративность, тотальность установок определенной парадигмальной формы коммуникации как способа самоописания того или иного состояния общества. Сегодня достаточно устоявшейся стала классификация домодерного, модерного и постмодерного состояний общества западного типа. При всей её условности такое разделение демонстрирует конкретные способы самоописания общества с точки зрения эволюции форм и средств массовой коммуникации.

Безусловно, сообщества, которые не имели письменности, могли определять коммуникацию только в пределах опыта нескольких поколений в форме непосредственного общения или мифологических сказаний. Именно поэтому основным способом самоописания, а также интерпретации дописьменных сообществ является мифологический дискурс. Коммуникация в архаических сообществах осмысливается на двух уровнях её протекания: как элемент профанного бытия, связанный с непосредственным речевым общением и взаимодействием членов закрытой родовой группы, а также как основа воспроизводства сакрального времени в различных ритуальных действиях и мифе, которые выступают основной формой организации общественной жизни. Вербальным выражением мифа как формы коммуникации является устное слово, которое, по мнению М. Маклюэна, «было первой технологией, благодаря которой человек смог выпустить из рук свою среду с тем, чтобы схватить её по-новому» [11, с. 68–69].

Дальнейшее усложнение социальных отношений, создание первых государственных образований выдвигают на первый план религиозное мировосприятие как интегрирующее начало традиционных обществ Древнего Востока, а также основание сакрального момента коммуникации с божеством. Коммуникативные способы самоописания общества в традиционной культуре связаны, с одной стороны, с морально-нормативными установками общественной жизни, которые концентрируются в традиции, а, с другой стороны, с экзистенциальными поисками человека в моментах преодоления самого акта коммуникации в процессе выхода в трансцендентальную плоскость религиозной веры.

Появление и распространение письменности стало важным условием сохранения опыта поколений во времени. Также этому способствовало и развитие технологий передвижения в пространстве (освоение колеса, построение дорог, развитие кораблестроительства, мореплавание). Постепенно происходит всё большая рационализация общественной жизни, особенно в полисных культурах Древней Греции, где важными становятся социально-политические аспекты коммуникации, которые рассматриваются в контексте общего блага и механизмов обеспечения гражданского права (начиная с «Идеального государства» Платона и «Политики» Аристотеля). В связи с этим всё большее распространение получает парадигма рациональной коммуникации, основанная на верховенстве законов разума и права.

Указанные процессы сопряжены с постепенной десакрализацией мифа как формы коммуникации. Чаще всего причиной демифологизации общественных отношений считается разрушение традиционной картины мира, что приводит

к созданию новых, более эффективно действующих систем коммуникации [1]. Рациональная форма коммуникации становится приемлемой в силу её универсалистского характера, поскольку она базируется на представлениях об общих нормах и ценностях, выходящие за пределы отдельных племенных предпочтений. Именно это позволило Э. Дюркгейму (а затем и Ю. Габермасу) отождествить рациональное с универсальным, определив эволюцию социальных отношений в направлении универсализации норм морали и права [3, с. 271]).

В древнегреческой традиции можно увидеть переход от мифологического к рационально обоснованному способу самоописания обществ на примере эволюции понятия Логоса, что во многом определил характер дальнейшего развития коммуникативных практик и социальных институций. Понятие Логоса, будучи сначала исключительно трансцендентальным определением космического начала (у Гераклита и Анаксагора), постепенно переносится из конкретного контекста в поле абстракций (у Платона и Аристотеля), благодаря чему теряет свой первоначальный метафизический и эмоционально наполненный смысл. Священное приобретает черты универсального и тотального. Теперь его можно рационально понять и описать, поскольку Логос осмысливается как закон или принцип, который подлежит вербализации (как Слово) и письменному определению (как Писание) [9, с. 180]). В публичной сфере вербальная составляющая становится главным фактором достижения согласия.

Гражданское право отстаивать свое мнение в суде или на общем собрании заложило основу для создания сферы публичности как политической системы коммуникации древнегреческого полиса. Со сферой публичности связано также новое понимание роли гражданина в решении любых вопросов. Гражданин получает право волеизъявления в процессе публичной коммуникации. Основой социального бытия человека в таких условиях оказывается его политико-правовая свобода.

Одновременно, как отмечает Ю. Хабермас (и о чём можно судить по работам Аристотеля), в древнегреческом полисе публичная сфера как основа права и рациональной коммуникации свободных граждан отграничена от частной сферы, существующей не по свободному волеизъявлению, а подчиняющаяся принципам традиции, основанной на жёсткой социальной иерархии [2, с. 46]. Эту противоречивость Ф. Ницше определил как дуализм дионисийского и аполлонического начал древнегреческой культуры [13]. М. Маклюэн причиной рационализации общественных отношений древнегреческой культуры считал фонетическое письмо, структурирующее характер мышления античного человека [12]. М. Фуко видел причины этого в особенностях реализации принципов власти, что приобрело наибольшее раскрытие в афинской демократии [14].

Не отвергая эти концепции, подчеркнем, что рационализация в древнегреческих полисных культурах имела мозаичный, не всеобъемлющий характер, то есть была напрямую связана со степенью овладения новыми средствами коммуникации (например, такими, как письмо, так как универсализм права достигался в глазах граждан именно благодаря последнему), а также господствующими формами социальной организации (демократия обуславливала политическое объединение лишь свободных граждан мужского пола) и общественной интеграции (консенсуса на основе выполнения гражданских обязательств).

Такая же мозаичность характерна и для эпохи Средневековья, когда лишь церковнослужители оказываются носителями высшего Закона (как законодатели и носители письма), а главным символическим способом самоописания общества становится Книга, священные тексты Библии как олицетворение основ мироустройства.

Постепенно можно наблюдать трансформацию способов самоописания общества, во многом связанную с распространением письменности (что получило особенное ускорение с изобретением печати). Модерн как новая культурная ситуация

формируется путём тотального отрицания и разрушения многих элементов традиционной культуры, что связано с общей ориентацией на новизну как приобретение нового коммуникативного опыта. Если традиция апеллирует к сакральному прошлому, то модерная идеология ориентирована на прогресс, центрируясь на идее рационализации отношений на основе права и эмансипации человека через расширение индивидуальной свободы. Уже в трудах одного из первых идеологов Модерна Ф.Бекона идея нового провозглашается основой борьбы с устаревшими догматами схоластики Средневековья (т.е. установками традиции).

Если в Средневековье и в эпоху Возрождения новое знание было связано с переинтерпретацией «священных текстов» или переоткрытием античных авторов, то Новое время порождает парадигму знания, ориентированного на принцип прогресса знаний и опыта. Новое начинает пониматься как стремление к изменениям, истина – как открытие нового, т.е. того, чего не было раньше (в отличие от мифологических представлений о «золотом веке» прошлого или теории «припоминания» Платона, где истина ассоциируется с совершенством «эйдетического» знания, которое никогда не будет свойственно деградированному миру).

Идея бесконечного прогресса разума и познания как движение в лучшую жизнь с социальной и моральной точки зрения становится идеологической основой Просвещения, в проектах которого рациональная форма коммуникации определяется как единственно приемлемый, истинный и поэтому общепризнанный (легитимный) способ социальных взаимоотношений. Как пишет по этому поводу Ю. Хабермас, «теперь современным считается то, что спонтанно способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени» [15, с. 8].

Несмотря на определенные контррационалистические тенденции, наблюдаемые в течение всей истории западноевропейской культуры (например, в феномене романтизма), в целом можно согласиться с большинством исследователей (М. Вебером, Э. Дюркгеймом, Ю. Хабермас, Н. Луманом), доказавшим, что эволюция от магико-мифологических представлений к рационально-рефлексивным происходит как процесс дальнейшей индивидуализации сознания и универсализации общественных отношений. Если в архаическом сообществе ритуал и традиция путем жесткой фиксации социальных ролей полностью контролировали характер индивидуального поведения, то в рационализованных культурах, наоборот, благодаря дискурсивной ревизии традиции появляется возможность создавать индивидуальные, относительно независимые от общественных ролей жизненные проекты, которые мотивированы универсально значимыми моральными принципами и идеалами. Расширение локальных границ языковых сообществ путём отказа от довлеющей роли традиции и секуляризации религии приводит к установлению ситуаций формальной солидарности людей на основе их общего признания правового контекста отношений [16, с. 287].

На социальном уровне рациональная модель коммуникации реализуется в идее общественного договора, обусловленной новыми капиталистическими отношениями, где основной приоритет принадлежал рынку, актуализирующему проблему индивидуальной свободы как свободы выбора (в смысле свободной предпринимательской деятельности). Главное значение приобретает понятие выгоды, т.е. рационализованной мотивации действия. Основой модели рациональной коммуникации становится договор, понимаемый как выгодная сделка для всех участников коммуникации. Договор выступает морально-этическим, правовым и экономическим фактором коммуникации. Выгода в подобном договоре является условием заинтересованности сторон в сохранении коммуникации.

Достижение общественного согласия становится возможным благодаря признанию свободной воли каждого из коммуникаторов, поскольку последняя предполагает наличие ответственности за принятые условия договора, возможность

контроля за своими действиями и решениями. Отсюда следует важный вывод, который становится основой всех гуманистических движений Нового времени: только свободный человек может иметь ответственность. Другим условием эффективного общественного договора является равенство коммуникаторов в процессе их взаимодействия. Собственность с точки зрения капиталистических отношений рассматривается как внешнее проявление свободы. Так, Дж. Локком собственность определена как неотъемлемая личностная характеристика человека, на которую никто, кроме него самого, не имеет права [7, с. 278].

Наиболее распространенной моделью взаимоотношений граждан становится конвенциональная модель как тотальная коммуникация народа на принципах совместного бытия. Концепт гражданского общества Модерна в отличие от понятия полисного гражданства древних греков предполагает переход от политической свободы граждан к экономико-правовой свободе рыночных отношений. Дж. Локк, а позже и И. Кант, видят в праве приобретение и расширение индивидуальной свободы за счет установления регламентированных правил коммуникации. Все действия, выходящие за пределы конвенции, расцениваются акторами коммуникации как противозаконные. Главным условием достижения общего согласия становится не только распространение индивидуальной свободы через получение законодательно закрепленных прав, но и её ограничение ради общих целей. Индивидуум, который даёт согласие на совместное бытие, берет на себя обязательство подчиняться решению большинства и считать его конечным. Если же актер отказывается от определенных решений или нарушает общие правила коммуникации, договор между ним и государством теряет силу [7, с. 316–317]. Такая позиция становится основанием для последующего рассмотрения современной культуры как определенной формы тотальной зависимости индивидов от института государственной власти и их внутренней несвободы, что позднее получает развитие в концепциях фрейдизма, экзистенциализма и постмодернизма.

Одновременно, как показывает, например, М. Вебер, переход от общинного коллективизма традиционного сообщества к индивидуализму капиталистического общества знаменует переход от «несвободы» родовых отношений к «свободе» социального выбора. Её составляющими являются свободомыслие и свободное предпринимательство, наиболее ярко раскрытое в протестантизме с его «непомерным моральным кодексом» [1, с. 97].

Рационализация западного общества сопряжена также с его индустриализацией, а также автономизацией сфер социального. Как отмечает по этому поводу П. Козловски, капитализм стал процессом автономизации хозяйства или «высвобождения экономических отношений от социальных и культурных норм в пользу большего подчинения экономики собственным законам, большего влияния экономических закономерностей на распределение благ и социальную структуру и большей ориентации статусной системы, общественного признания и социального расслоения на экономические достижения, которые оцениваются с помощью рыночных критериев» [5, с. 19]. Эта тенденция в дальнейшем станет главной причиной господства потребительских и индивидуалистических ценностей в культуре Постмодерна, что подтверждает понимание последней как эволюционной составляющей культуры Модерна.

Одновременно, уже начиная с процессов, связанных с крахом идеологии Просвещения можно видеть трансформацию рациональной формы коммуникации как способа самоописания современного общества. Происходит рефлексивное переосмысление рационалистической традиции на основе её критики и переинтерпретации. Попытки перенести телеологические принципы рационального способа коммуникации на все сферы социальной действительности привело к гипертрофии этой формы самоописания общества. Уже в конце XIX века возникают противоречия, которые приводят к последовательной деградации и саморазрушению

парадигмы рациональной коммуникации. М. Хайдегер ярко охарактеризовал эту тенденцию как наращиваемый конфликт между «поставом» как техническим аспектом функционирования общества и бытием как центром действительного существования человека [17, с. 58].

В XX веке в рамках различных антисциентистских течений произошла своеобразная десакрализация рациональной формы коммуникации, сведение её к тоталитарной составляющей власти и отождествление рационального действия с инструментальным. Критика технической рациональности свойственна уже работам А. Шопенгауэра и Ф. Ницше, развивается М. Хайдеггером, особое звучание приобретает в творчестве представителей Франкфуртской школы, а также в постмодернизме.

В целом, парадигма рациональной коммуникации в контексте постметафизического мышления подлежит деструкции и переинтерпретации путём придания понятию рациональности нового содержания и определения его методологических границ. Прежде всего, речь идёт об отказе от метанараций как тотальной рационализации бытия, что означает также отказ от любых авторитетов, кумиров и канонов (начиная с проекта «переоценки всех ценностей» Ф. Ницше). Классический образ «Я» как определенной самосознательной целостности «рассыпается» в контексте «ризомного» мировоззрения. Сосредоточенность на «глубинах» бытия, характеризующую «классическую» рациональность, заменяется постмодернистской заинтересованностью «поверхностью» человеческого опыта, «провокациями» многовариантного понимания текста, негативным отношением к однозначным интерпретациям.

Ключевым способом самоописания постмодерного общества становится образ ризомы (в искусстве – коллажа, позднее – гипертекста и гиперреальности, «сети») как предельной индивидуализации множества совокупных позиций, отношений, коммуникации. А довлеющей формой коммуникации – пострациональная коммуникация (по аналогии с распространённым определением современного состояния общества как постмодерного), которая раскрывается в многомерных пространствах кино, телевидения, сетевой коммуникации. Ж.-Ф. Лиотар, описывая культуру Модерна как культуру метанараций, т.е. определенных господствующих установок, задающих легитимацию только одного типа рациональности, противопоставил ей «постмодернистскую ситуацию», в которой задан дискурсивный плюрализм и вариабельность рациональностей, проявляющих себя в различных «языковых играх» [6, с. 46]. Такие «языковые игры» в рамках пострациональной коммуникации характеризуются полиморфностью, нелинейностью и контекстуальностью.

В XXI веке появляется всё больше явлений, указывающих на постепенную гипертрофию способов самоописания общества в терминах пострациональности. Особенно это ярко видно на примере появления и развития такого направления как цифромодернизм или пост-постмодернизм, в котором ирония как ключевая характеристика постмодернистского мировоззрения утеряна. Цифромодернизм сосредотачивается на способе самоописания общества на основе кибернетического универсума. В самом обществе также можно наблюдать подобные тенденции, которые связаны с развитием электронных средств массовой информации и коммуникации, в результате чего происходит становление так называемой «культуры реальной виртуальности» [4, с. 314], то есть культуры, в которой виртуальность является основой конструирования «реальности» для субъектов. Интеграция различных средств коммуникации в интерактивные информационные сети формирует своеобразный метаязык, объединяющий в себе письменные, устные и аудиовизуальные средства передачи информации и коммуникации, которые «смешиваются в одном и том же гипертексте, постоянно реорганизуемом и доступном в любое время и откуда угодно, в зависимости от интересов отправителей и

склонностей получателей» [4, с. 504].

Основным образом самоописания общества постмодерна XXI столетия является «сеть» как наиболее ёмкое определение его организации. Как указывает М. Кастельс, один из авторов концепции «сетевого общества», «оно создано сетями производства, власти и опыта, которые образуют культуру виртуальности в глобальных потоках, пересекающих время и пространство... Не все социальные измерения и институты следуют логике сетевого общества, подобно тому, как индустриальные общества в течение долгого времени включали многочисленные преиндустриальные формы человеческого существования. Но все общества информационной эпохи действительно пронизаны – с различной интенсивностью – повсеместной логикой сетевого общества, чья динамичная экспансия постепенно абсорбирует и подчиняет предсуществовавшие социальные формы» [4, с. 505].

Пострациональная форма коммуникации раскрывает логику общества «сетевых структур» как «системы, в которой сама реальность (т. е. материальное/символическое существование людей) полностью погружена в установку виртуальных образов, в мир творимых убеждений, в котором символы суть не просто метафоры, но заключают в себе актуальный опыт» [4, с. 503].

Основные идеи постмодернизма как идеологии освобождения от метанарраций были усвоены культурой Постмодерна как диктат плюральности и крайней индивидуализации отношений, персонализации потребления, размывания понятия нормы в пространстве морального дискурса. Результатом этого стала описанная ещё Ж. Бодрийаром «диффузия ценностей» и господство общества потребления в его симулятивных практиках. В рамках пострациональной коммуникации сетевых средств коммуникации можно наблюдать её возвратность, когда конец события определяется тем контекстом, что привносится массмедиа. Примером этого являются различные «виртуальные войны», изменяющие существующие в реальном времени-пространстве события, то есть влияющие на характер их протекания. Само общение в постмодернистской культуре символизируется и виртуализируется. Описанный характер коммуникативных отношений изменяет контекст социальных практик. На смену модерному индивидуализму приходит сетевой коллективизм (который одновременно имеет все черты крайнего, «нарциссического» индивидуализма), когда соединение обусловлено конкретным контекстом и поэтому характеризуется непостоянством, кратковременностью и смысловой стремительностью.

Такой способ конструирования «реальностей» как самоописания обществ XXI столетия с помощью пострациональной формы коммуникации имеет как положительные, так и отрицательные воздействия на характер социальных практик. С одной стороны, сетевые коммуникации создают пространство гибкого и динамичного взаимодействия, лишённого иерархичности архаических и традиционных культур, а также функционализма модерной культуры. Новые способы коммуникации не только преодолевают границы пространства-времени, но и ослабляют культурные, статусные, половые, возрастные и иные барьеры. С другой стороны, это приводит к существенной релятивизации ценностей, всеобщему недоверию к проявлениям ценностного универсализма, отказу от претензий на истинность любого знания, то есть ослаблению всех достижений модерной западной культуры. Как результат – «откат» основных идеологем в сторону нового мистицизма, религиозного фанатизма, проявлений радикализма (что особенно ярко прослеживается в нарастающих «волнах» исламизации Европы, «правом повороте» и расширении евроскептицизма, сопровождающегося всплесками агрессивного национализма в отдельных странах).

Выводы. Эволюция коммуникативных форм самоописания общества представляет собой постепенное «нанизывание» на «тело» социального «естественного жизненного мира» человека как биологического существа, «индивидуально-ком-

муникативного мира» личности как самосознающего и говорящего существа, «социально-нормативного мира» человека как социального существа и, наконец, «символического виртуального мира» в объективации воображаемого человека как творческого существа. В ходе эволюции форм и средств коммуникации происходит постоянное рефлексивное переосмысление предыдущих коммуникативных практик с помощью их критики, делегитимации и деконструкции. Если основным способом самоописания, а также интерпретации дописанных сообществ является миф как форма коммуникации, то появление и распространение письменности, развитие технологий передвижения в пространстве приводит к постепенной универсализации способов самоописания общества в рациональных формах коммуникации, десакрализации и вытеснению в частную сферу жизни человека мифологической парадигмы коммуникации. В свою очередь, с крахом идеологии Просвещения происходит рефлексивное переосмысление парадигмы рациональной коммуникации на основе её деструкции и переинтерпретации. Ключевым способом самоописания постмодерного общества становится пострациональная коммуникация как предельная индивидуализация множества совокупных позиций и отношений в многомерных пространствах кино, телевидения, сетевой коммуникации, которые переносятся на характер организации социума.

БІБЛІОГРАФІЧНІ ПОСИЛАННЯ:

1. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер; пер. с нем.; сост., общ. ред. и послеслов. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайдено // Вебер М. Избранные произведения – М.: Прогресс, 1990. – С. 44–344.
2. Габермас Ю. Структури перетворення у сфері відкритості: дослідження категорії громадянське суспільство / Ю. Габермас; пер. з нім. А. Нишко – Львів: Літопис, 2000. – С. 317 с.
3. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм; пер. с фр. // Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. – М.: Наука, 1990. – С. 3–390.
4. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
5. Козловски П. Этика капитализма (с комментарием Дж. Бьюкенена). Эволюция и общество: критика социобиологии / П. Козловски; пер. с нем. М. И. Грецкого. – СПб., 1996. – 158 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; пер. с фр. Н. А. Шматко. – М.: «Институт экспериментальной социологии», СПб.: Изд-во «Алетейя», 1998. – 160 с.
7. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк; пер. с англ. и лат. // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. – М.: Мысль, 1988. – Т.3. – 668 с.
8. Луман Н. Власть / Н. Луман; пер. с нем. А. Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2001. – 256 с.
9. Луман Н. Медиа коммуникации / Н. Луман; пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. – М.: Издательство «Логос», 2005. – 280 с.
10. Луман Н. Общество как социальная система / Н. Луман; пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Издательство «Логос». 2004. – 232 с.
11. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – М.: Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2003. – 464 с.
12. Маклюэн М. Галактика Гутенберга: сотворение человека печатной культуры. / М. Маклюэн; пер. с англ. А.Юдина. – К.: Ника – Центр, 2003. – 432 с.
13. Ницше Ф. Рождение трагедии или эллинизм и пессимизм / Ф. Ницше; пер. с нем.; сост., подг. тек., общ. ред., избр. перев. и примеч. Р. В. Грищенкова // Ницше Ф. Сочинения в 2-х т. – СПб.: Изд-во «Кристалл», 1998. – Т. 1. – С. 7–116.
14. Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко; пер. с франц. С. Ч. Офертаса; под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
15. Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект / Ю. Хабермас; пер. с нем. Б. М. Скуратова; сост. А. В. Денежкина // Хабермас Ю. Политические работы. – М.: Праксис, 2005. – С. 7–31.

16. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; пер. с нем. под ред. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука, 2000. – 377 с.

17. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер; пер. с нем. // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 45–66.

REFERENCES:

1. Veber M. Protestanskaya etika i dukh kapitalizma [Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism] // Veber M. Izbrannye proizvedeniya – М.: Progress, 1990. – С. 44–344.

2. Habermas Yu. Struktury peretvorennia u sferi vidkrytosti: doslidzhennia katehorii hromadianske suspilstvo [Structures conversion to openness: the study of the civil society category] – Lviv: Litopys, 2000. – 317 s.

3. Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda [On the division of social labor] // Dyurkgeym E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sotsiologii. – М. : Nauka, 1990. – С. 3–390.

4. Kastel's M. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economy, Society and Culture]. – М.: GU VShE, 2000. – 608 s.

5. Kozlovski P. Etika kapitalizma (s kommentariem Dzh. B'yukenena). Evolyutsiya i obshchestvo: kritika sotsiobiologii [The ethics of capitalism (with comment J. Buchanan). Evolution and Society: criticism of sociobiology]. – SPb., 1996. – 158 s.

6. Liotar Zh.-F. Sostoyanie postmoderna [Postmodern Condition]. – М.: «Institut eksperimental'noy sotsiologii», SPb : Izd-vo «Aleteyya», 1998. – 160 s.

7. Lokk Dzh. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government] // Lokk Dzh. Sochineniya: V 3 t.– М. : Mysl', 1988. – Т.3. – 668 s.

8. Luman N. Vlast' [Power].– М.: Praksis, 2001. – 256 s.

9. Luman N. Media kommunikatsii [Media Communications]. – М: Izdatel'stvo «Logos», 2005. – 280 s.

10. Luman N. Obshchestvo kak sotsial'naya sistema [Society as a social system]. – М: Izdatel'stvo «Logos». 2004. – 232 s.

11. Maklyuen M. Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka [Understanding Media: External expansion of human]. – М.; Zhukovskiy: «KANON-press-Ts», «Kuchkovo pole», 2003. – 464 s.

12. MakLyuen M. Galaktika Gutenberga: sotvorenje cheloveka pechatnoy kul'tury. [Gutenberg Galaxy: the creation of man print culture]. – К. : Nika – Tsentr, 2003. – 432 s.

13. Nitsshe F. Rozhdenie tragedii ili ellinizm i pessimizm [Birth of Tragedy or Hellenism and pessimism] // Nitsshe F. Sochineniya v 2-kh t. – SPb : Izd-vo «Kristall», 1998. – Т. 1. – С. 7–116.

14. Fuko M. Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yu [Intellectuals and power: Selected Political articles, speeches and interviews]. – М. : Praksis, 2002. – 384 s.

15. Khabermas Yu. Modern – nezavershennyi proekt [Modern – unfinished project] // Khabermas Yu. Politicheskie raboty. – М.: Praksis, 2005. – С. 7–31.

16. Khabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie [Moral consciousness and communicative action]. – SPb. : Nauka, 2000. – 377 s.

17. Khaydegger M. Vopros o tekhnike [The question of technique] // Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade. – М.: Progress, 1986. – С. 45–66.

Висоцька О. Є., доктор філософських наук, доцент, декан факультету відкритої освіти та стажування, професор кафедри філософії освіти, Дніпропетровський обласний інститут післядипломної педагогічної освіти (Дніпропетровськ, Україна), E-mail: vysolga@gmail.com

Засоби і форми комунікації як засоби самоопису суспільства.

***Анотація.** Наукова новизна роботи полягає у розкритті еволюції засобів і форм комунікації як засобів самоопису суспільства від архаїчного стану до постмодерного. Визначено цільний взаємозв'язок між винаходом нових форм і засобів комунікації, а також системних перетворень суспільства. Різні засоби самоопису суспільства відображають парадигмальні форми комунікації, комунікативні засоби соціального простору. Виявлений нелінійний характер еволюції форм і засобів комунікації як постійного примноження інтерактивного досвіду людства. Окреслено основні тенденції і закономірності цього процесу.*

Ключові слова: комунікація, суспільство, засоби комунікації, форми комунікації, способи самоописання суспільства, розвиток, еволюція.

Vysotska O., doctor of philosophical sciences, docent, dean of the faculty of open education and training, full professor of the department of philosophy of education, Dnipropetrovsk Regional Institute of Postgraduate Education (Dnepropetrovsk, Ukraine), E-mail: vysolga@gmail.com

Means and forms of communication as ways of the society self-description.

Abstract. *The aim of the work is uncovering the evolution of means and forms of communication as ways of the society self-description. The aim of the work: uncovering the evolution of the means and forms of communication as ways of the society self-description. The methodology involves the use of paradigmatic approach for analyzing forms of communication as ways of the society self-description, and elements of the systematic approach by N. Luhmann for allocating forms and means of communication in pre-modern, modern and postmodern states of the Western type society, and evolution of the means of communication by McLuhan as well. Scientific novelty of work consists in revealing evolution of the means and forms of communication as ways of the society self-description from the archaic stage to the postmodern one. It is Identified that a close relationship between invention of new forms and means of communication and systemic transformation of society. Author states that different ways of the society self-description reflect the paradigmatic forms of communication, and communicative tools of social space. It is revealed nonlinear character of the evolution of forms and means of communication as a permanent enhancement of the interactive experience of mankind. It is Identified the main tendencies and regularities of that process.*

The evolution of communicative forms of the society self-description is a gradual putting on the «body» of social «natural life world» of man as a biological being, and «individually-communicative world» of the personality as self-conscious beings and speaker, and «a socio-normative world» of man as a social being and, finally, the «virtual world» in the imaginary objectification of man as a creative being. In the course of evolution of forms and means of communication, there was a constant rethinking previous communication practices through their critics, delegitimization, and deconstruction. The main means of self-description and interpretation of pre-literate communities is a mythological consciousness. The emergence and spread of literacy, the development of technologies of movement in space leads to gradual universalizing ways of the society self-description in rational forms of communication, and desacralizing and displacing the mythological paradigm of communication into the private sphere of human life. In turn, with the collapse of the ideology of the Enlightenment reflexive rethinking of the paradigm of rational communication on the basis of its destruction and re-interpretation took place. The key way of self-describing postmodern society becomes postrational communication as the ultimate individualization of a variety of aggregate of positions and relations in multidimensional spaces of cinema, television, network communication that is transferred on the form of social structuration.

Key words: communication, society, means of communication, forms of communication, ways of self-description of society, development, evolution.

УДК 008:001.8

Григоришин С. В.,

кандидат философских наук, Украинский гуманитарный институт, постдок кафедры археологии, истории Древнего мира и Средних Веков Тюменского государственного университета (Киев, Украина), E-mail: hryhors@ukr.net

ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРИИ ДИНАМИЧНЫХ КУЛЬТУР ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ КАНОНИЧЕСКИХ КНИГ

Аннотация. *В статье исследовано место и роль теории динамических культур в пределах таких дисциплин, как социология, философия, археология и история. Было выяснено, что представители указанных наук активно движутся в сторону междисциплинарности. Замечено, что специалисты гуманитарных наук находятся в поиске универсального*